

Глава 56

«...ГОВОРИЛИ, ЧТО У НИХ ДОСТАТОЧНО ЛЮДЕЙ, И МЫ ИХ УБЬЕМ»

Показания Уайтстила Эвери, свидетеля Северная Каролина Мекленбургский округ

Уайтстил Эвери свидетельствует и утверждает, что шестого марта текущего года в девять или десять часов утра он, свидетель, находился в доме некоего Хадджинса, который проживает в нижней части Лонг-Айленда.

Свидетель видел там тридцать или сорок человек, которые именуют себя регуляторами, и затем был насильно задержан в качестве пленника одним из них, назвавшимся Джеймсом Маккуистоном, от имени всего движения. Вскоре после этого некий Джеймс Грэхэм (или же Граймс) произнес свидетелю следующие слова: «Отныне вы заключенный и не должны передвигаться без стражи», затем он тут же добавил: «Держитесь рядом со своими охранниками — и не страдаете».

Затем свидетель под охраной из двух человек был доставлен в лагерь регуляторов, где находилось множество людей, именующих себя подобным образом, и еще многие присоединились спустя несколько часов. Свидетель полагает, что всего их там находилось примерно двести тридцать человек.

От самих регуляторов свидетель узнал имена пяти капитанов, или же возжаков. А именно: Томас Гамильтон и еще один Гамильтон, Джеймс Граймс (или Грэхэм), Джеймс Хантер, Джошуа Тиг и некий Гиллести. Свидетель слышал, как многие неизвестные ему люди гово-

рили оскорбительные слова в адрес Губернатора, судей Верховного суда, выступали против Ассамблеи и других чиновников. В это же время вышеупомянутый Томас Гамильтон стоял среди них и произносил речь следующего содержания и характера (толпа с ним соглашалась и подтверждала правдивость его слов):

«Почему Морис Мур стал судьей, никакой он не судья, его не назначал Король, ни его, ни Хендерсона. Они не будут вершить правосудие. Ассамблея приняла Акт против беспорядков, но теперь люди разгневаны как никогда. На благо этой страны мы вынуждены убивать всех чиновников и законников, мы убьем их всех, и да будь я проклят, если они не будут казнены. Если бы не этот Акт, некоторых бы пощадил. Акт против беспорядков! Никогда подобного закона не было в Англии или любой другой стране, кроме Франции! Сперва этот закон, затем инквизиция?»

Многие говорили, что Губернатор поддерживает законников и что Ассамблея помешала регуляторам ввести законы о дополнительных сборах. Хазбенда заперли в тюрьме, чтобы он не увидел их мошеннические слушания, а Губернатор и Ассамблея приняли ровно те законы, которых хотели они сами. Губернатор — друг законников, и они продолжают творить то, что им угодно, назначать слабых мировых судей для личных целей.

В провинции не должно быть законников, они будут прокляты, если останутся там. Фаннинга объявили вне закона с двадцать второго марта, и любой регулятор, встретивший его после указанной даты, его убьет, а некоторые заявляли, что не намерены ждать, что клянутся убить его, если встретят в Солсбери. Иные желали выпороть судью Мура, другие — его убить. Некий Роберт Томсон сказал, что Морис Мур — клятвопреступник, и называл его оскорбительными словами, например: подлец, мошенник, злодей, негодяй и др.; прочие присутствующие соглашались.

Когда пришли известия о том, что капитан Разерфорд и его рота маршируют по улицам Солсбери, свидетель услышал, как некоторые рьяно убеждали других, будто вся армия регуляторов, присутствующая там, должна также выступить на Солсбери и сразиться; они говорили, что у них достаточно людей, и мы их убьем, мы им покажем, как выступить против нас.

Дано под присягой и записано восьмого дня марта 1771 год с моих слов

(подписано) Уайтстил Эвери

(засвидетельствовано) У. Гаррис, мировой судья

Уильям Трион генералу Томасу Гейджи

Северная Каролина

Нью-Берн, 19 марта 1771 г.

Сэр,

вчера Совет Его Величества постановил, что вооруженным силам, состоящим из нескольких подразделений ополчения, надлежит под моим командованием вступить в поселения мятежников, которые своими возмутительными действиями и заявлениями бросили вызов правительству.

Поскольку мы располагаем лишь малым количеством военных орудий, я вынужден просить вашей помощи в обеспечении вооруженных сил всем необходимым (пушки, ружья, знамена, барабаны, и пр.), указанным ниже.

Я намерен начать кампанию из этого города после двадцатого марта и собирать ополчение по мере продвижения войск. Мой план состоит в том, чтобы собрать армию из полутора тысяч мужчин, однако, учитывая настроения Правительства, данное количество может существенно возрасти.

С большим уважением и почтением

Ваш покорнейший слуга

Уильям Трион

Глава 57

И СЕЙЧАС ЛОЖУСЬ Я СПАТЬ...

Фрейзер-Ридж

15 апреля 1771 г.

Роджер лежал в постели, прислушиваясь к писку невидимого комара, который пробрался в хижину через край шкуры, прикрывающей окно. Кроватька Джемми была накрыта марлевой сеткой, но у

них с Брианной такой защиты не было. Если бы только чертово насекомое опустилось на него, Роджер бы его тут же прихлопнул... но комар без устали нарезал круги над кроватью, изредка напевая свое противное «ни-и-и» прямо у Роджера над ухом, а потом вновь исчезая в темноте.

После нескольких бурных дней Роджер должен был так вымотаться, что мгновенно заснул бы даже под атакой целой комариной эскадрильи. Два дня скачки по горным хребтам и долинам — они распространяли известие о сборе по близлежащим поселениям, чьи жители, в свою очередь, передавали его дальше. Весеннюю посевную закончили в рекордные сроки — все мужчины от рассвета и до заката трудились в полях. В теле Роджера до сих пор бился адреналин, посылая краткие импульсы в мозг и мышцы, будто он принимал кофе внутривенно.

Сегодня Роджер целый день помогал готовить усадьбу к их отъезду, и отдельные картины домашней работы всплывали в сознании, стоило ему только прикрыть глаза. Починка забора, перевозка сена, срочный бросок к мельнице за мукой для полка на марше. Починка обода колеса и порванных постромок, поимка белой свиньи, которая умудрилась сбежать из загона, рубка дров и, наконец, час бодрого копания грядок перед ужином, чтобы Клэр посадила немного батата и арахиса.

Несмотря на спешку и тяжелую работу, копание в сумерках показалось Роджеру долгожданным отдыхом от бешеного дня, и даже сейчас мысль об этом помогла ему немного успокоиться.

Стоял необычайно теплый апрель, и садик Клэр вовсю зеленел: виднелись ростки, листва и крошечные яркие цветочки, по заборчику вилась лоза. Становилось прохладнее, и Роджера окружали сильные, как ладан, запахи растений и свежей земли. К цветкам подлетали насекомые, мелькающие, словно белые, серые и черные тени. Налетели и тучи мошек и комаров, которых манила его влажная от пота кожа. Потом появились стрекозы, темные, с узкими крылышками и мохнатыми тельцами, и закружились над цветками алтея с яростью футбольных фанатов.

Роджер вытянул ноги под одеялом, едва коснувшись спящей жены, и вспомнил ощущение твердого края лопаты под стопой, удовлетворение, когда лезвие вонзалось в податливую почву, как влажно

блестела сырая земля с белыми корневищами и извивающимися червяками.

Над головой пролетела огромная бабочка, которую тоже привлекли садовые ароматы. Ее светло-коричневые крылышки были украшены похожими на глазки узорами и казались прекрасными, неземными.

Кто возделывает сад, тот в согласии с Богом — гласила надпись на старых солнечных часах, что стояли в саду дома в Инвернесе, где Роджер вырос. По иронии судьбы преподобный не имел ни свободного времени, ни способностей к возделыванию земли, поэтому сад весь зарос травой и старыми розовыми кустами. Роджер улыбнулся, вспоминая, и мысленно обратился к тени преподобного.

Спокойной ночи, отец. Да благословит тебя Бог.

Роджер давным-давно утратил привычку вот так желать доброй ночи семье и друзьям и читать детскую молитву перед сном, которая заканчивалась длинным списком: «Боже, благослови бабушку, дедушку Гая на небесах, и моего лучшего друга Питера, и собаку Лилиан, и кота бакалейщика...»

Прошло много лет, но теплые воспоминания об этом небольшом ритуале подвигли его придумать новый список. Куда лучше, чем считать овец, решил он про себя. Да и ему куда больше хотелось возродить это ощущение теплоты и покоя, чем просто заснуть.

Спокойной ночи, миссис Грэхэм. Роджер улыбнулся, вызывая в памяти яркий образ престарелой домработницы священника — как она, макнув пальцы в воду, брызгала на сковородку, чтобы проверить, запляшут ли капельки. *Боже, благослови.*

Преподобный, миссис Грэхэм, ее внучка Фиона с мужем Эрни... Родители Роджера — формальный кивок двум безликим фигурам. Клэр в большом доме и — после краткого колебания — Джейми. Потом и его собственная маленькая семья. В груди потеплело.

Спокойной ночи, малыши. Роджер повернул голову к колыбельке, где спал Джемми. *Да благословит тебя Господь.*

И Брианна. Роджер всмотрелся в темный овал лица спящей. Затем как можно осторожнее устроился на боку и продолжил ее разглядывать. Огонь уже потух, ведь им все равно рано утром в путь, поэтому в комнатухе было темно, и Роджер мог разобрать лишь тень бровей и губ Брианны.

Она никогда не лежала без сна. Перекатывалась на спину, потянувшись, и уже через три глубоких вдоха спала. Может, дело было в усталости, а может — в крепком здоровье и чистой совести. Но иногда Роджер думал, что она просто хочет ускользнуть в мир своих снов, где свободно несется вперед за рулем автомобиля, а волосы развеваются на ветру.

«Что же она видит сейчас?» — гадал Роджер, ощущая теплое дыхание на своем лице.

Вчера мне приснилось, что мы с Роджером занимались любовью. Эта запись в ее дневнике продолжала его терзать, как он ни старался о ней забыть. Роджер уже было начал погружаться в сон, убаюканный своей молитвой, но воспоминание о дневнике Брианны вновь вытащило его в реальность. Пусть, черт возьми, только попробует видеть такой сон сейчас!

Роджер вновь закрыл глаза, сосредотачиваясь на ровном дыхании Брианны и почти касаясь ее лба своим. Может, так получится уловить эхо ее снов, сквозь кости черепа?

Брианна с ребенком тоже уедут утром. Их вещи стояли наготове возле котомки Роджера у двери. Мистер Вемисс отвезет их в Хиллсборо, где Брианна, вероятно, будет в безопасности... а еще весьма выгодно нарисует портрет миссис Шерстон.

«Будь чертовски осторожна», — в третий раз за вечер повторил ей Роджер. Хиллсборо находился в самом центре территорий регуляторов, поэтому он вообще сомневался, стоит ли ей ехать. Брианна лишь отмахнулась — что им с Джемми может там угрожать? Скорее всего, она права... и все же Роджер подозревал, что она вела бы себя точно так же даже в случае опасности. Брианне буквально не терпелось взяться за этот проклятый заказной портрет, она и сквозь вооруженную толпу прорвалась бы, чтобы попасть в Хиллсборо.

Она тихонько напевала себе под нос — «Лох-Ломонд», и надо ж было из всех песен выбрать эту! — «Пойдешь верхним путем, а я нижний возьму, и домой раньше тебя я прибу-у-уду...».

«Ты меня слышишь?» — спросил Роджер, схватив ее за руку.

«Да, дорогой», — проурчала Брианна, нарочито покорно хлопая ресницами.

Это рассердило Роджера настолько, что он резко развернул ее к себе лицом.

«Я серьезно».

Он вглядывался в глаза Брианны, широко распахнутые, но по-прежнему слегка насмешливые, и крепко стиснул ее запястье. Брианна высокая и сильная, но ее кости казались Роджеру изящными, почти хрупкими. Он вдруг как наяву увидел их — высокие, широкие скулы, округлый череп, длинные белые зубы... И Роджер грубо притянул Брианну к себе, а затем поцеловал, столкнувшись с ее зубами своими, чтобы ощутить их, и плевать, если это причинит боль.

На Брианне была лишь нижняя рубашка, но Роджер не потрудился ее снять, а лишь задрал выше бедер, толкнув жену на постель. Брианна выставила руки, однако он успел вжать их в простыни, а потом навалился на нее всем весом, вдавливая, двигаясь на ней, ища уверенности в той тонкой плоти, что отделяла их кости друг от друга.

Они не издавали ни звука, краем сознания помня о спящем ребенке. И все же в какой-то момент тело Брианны ответило ему глубоким и поразительным способом, который был сильнее всяких слов.

«Я серьезно», — тихо повторил Роджер, прижимаясь губами к ее спутанным волосам.

Он лежал на ней, обнимая, не позволяя ей двигаться. Брианна дернулась, и Роджер сжал ее сильнее. Брианна вздохнула и, шевельнувшись, мягко вонзила зубы чуть ниже его ключицы. Роджер, выдохнув, невольно выпустил Брианну из рук.

«Знаю, — ответила она и прижала его к себе уже свободными руками. — Я тоже».

— Этого ты хотела? — шепнул он сейчас едва слышно, чтобы не разбудить. Ее тело излучало спокойное тепло; она крепко спала.

Чего же она хотела? Ее завели грубые ласки? Или же она ощутила силу скрытого за ними отчаянного желания уберечь ее от опасности?

Если дело все же в грубости... Роджер сглотнул, стиснув кулаки при мысли о Стивене Боннете. Брианна никогда не рассказывала, что произошло между ней и Боннетом, а для Роджера было немислимим задать вопрос о подобном. И еще более немислимо — подозревать, что в том насилии нечто могло ее постыдным образом возбудить. Но все же она действительно заметно возбуждалась в тех редких случаях, когда Роджер брал ее резко, без привычной нежности.

Теперь ему стало не до молитв.

Роджер вновь чувствовал, что увяз в аду среди рододендронов, в лабиринте из переплетенных влажных корней и свисающей листвы, которые будут везде, куда бы он ни свернул. Сумрачные переходы давали надежду на спасение, однако вели лишь к новым поворотам и сильнее запутывали.

Мы с тобой не встретимся вновь на прекрасных берегах Лох-Ломонда...

Кожу покалывало, а мышцы ног подергивались от закипевшей в нем беспокойной энергии. Мимо прозвенел комар, но Роджер промахнулся. Не в силах лежать на месте, он тихонько выскользнул из постели и сделал несколько приседаний, чтобы размять сведенные напряжением мышцы.

Потом стал отжиматься от пола, беззвучно ведя счет. Раз. Два. Три. Четыре. Он сосредоточился на растущем жжении в груди и плечах, на монотонном счете. Двадцать шесть, двадцать семь, двадцать восемь...

Наконец, когда мышцы задрожали от усталости, Роджер встал, отвел край шторы от окна и постоял перед ним, обнаженный, впуская влажный ночной воздух. Может, он впустил еще и других комаров... а может, выпустил того единственного.

Лес серебрился в свете луны, в его самой глубине виднелся слабый огонек костра — лагерь ополчения. Люди прибывали в течение всего дня, на мулах или косматых лошадаках, с лежащими поверх свернутых одеял мушкетерами. Роджер уловил звук голосов и смеха — их принес ветерок. По крайней мере, он бодрствовал не один, и эта мысль его успокоила.

У края большого дома загорелся более яркий свет — фонарь. Приближались две фигуры, одна высокая, другая пониже.

Мужчина что-то вопросительно пробурчал, и Роджер узнал Джейми. Слов он, впрочем, не разобрал.

— Нет, — ответил голос Клэр, когда они подошли ближе, и она взмахнула руками. — Я грязная после посадки и пойду мыться. А ты ложись спать.

Высокая фигура поколебалась, затем отдала ей фонарь. В его свете мелькнуло лицо Клэр — она смотрела вверх и улыбалась. Джейми коротко ее поцеловал.

— Тогда поспеши, — сказал он с ответной улыбкой в голосе. — Я плохо сплю без тебя под боком, саксоночка.

— Да ты сразу заснешь, как коснешься головой подушки, — добродушно поддела его Клэр.

— Не сразу, нет. — Джейми исчез в темноте, но ветер, дующий в сторону хижины, принес из теней его слова. — Я же не могу заняться кое-чем другим без тебя рядом, правда?

Клэр негромко рассмеялась.

— Начинай без меня, — сказала она, уходя к колодцу. — Я догоню.

Роджер постоял у окна, пока Клэр не вернулась с покачивающимся от быстрого шага фонарем и не скрылась в доме. Ветерок сменил направление, и голосов из леса уже не было слышно, хотя костер продолжал гореть.

— Что-то ты рано, дружок, — произнес он, легонько подтолкнув пальцем светлячка. — Думаешь, там еще кто-нибудь есть?

Светлячок немного сдвинулся и опять замер, упрямо мигая светящимся брюшком. Роджер глянул в сторону леса. Кожа покрылась мурашками — холодно! Роджер рассеянно потер грудь, зацепив едва заметно темнеющее местечко, куда его укусила Брианна. Интересно, останется ли оно до утра?..

Потянувшись, чтобы закрыть окно обратно, Роджер заметил отблеск лунного света на стекле. На полочке рядом лежали вещички Брианны — пара черепаховых гребней, которые ей подарила Иокаста, серебряный браслет. Небольшой флакончик пижмового масла, два-три кусочка губки рядом. И большая банка с семенами атаманты. Брианна не успела использовать масло, но Роджер готов был поклясться жизнью, что семена она приняла еще днем.

Он опустил шкуру на окно и вернулся к постели, задержавшись у колыбельки, чтобы послушать дыхание малыша.

Джем сбросил одеялко. Роджер приподнял сетку и на ощупь его поправил, подворачивая плотнее. Рука наткнулась на что-то мягкое... а, тряпичная куколка, которую Джемми прижал к груди. Роджер немного постоял, касаясь его спинки и ощущая мерное дыхание малыша.

— Спокойной ночи, парнишка, — наконец шепнул он и невесомо похлопал Джемми по круглой попке. — Пусть Господь благословит и сохранит тебя.